

ОБУСТРОЙСТВО ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА В НЕО-ЭНЕОЛИТЕ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

©2022 г. Е.С. Яковлева

Статья ставит своей задачей возвращение к данным хорошо известных опубликованных памятников Южного Зауралья и сопоставление их с материалами недавних раскопок с целью осмысления проблемы обустройства жилого пространства в нео-энеолитическое время. Отмечаются характерные черты стоянок региона – наличие жилищных объектов типа очагов, каменных выкладок, отдельных столбовых ям, - без явных следов собственно жилищ, а также активное использование для обустройства скальных выходов и каменного сырья. Предлагается интерпретация фиксируемых остатков как «площадок» и «жилых комплексов», приводятся сходные пути решения аналогичных проблем применительно к стоянкам каменного века иных территорий. Предполагается, что это поможет решить отдельные методические вопросы полевого и камерального этапов работ и повысить источниковый потенциал памятников Южного Зауралья.

Ключевые слова: археология, неолит, энеолит, Южное Зауралье, планиграфия, жилая площадка, жилищный комплекс, стоянка.

ARRANGEMENT OF LIVING SPACE IN THE NEOLITHIC AND ENEOLITHIC OF THE SOUTHERN TRANS-URALS

E. S. Yakovleva

The paper aims to return to the data of well-known published sites of the Southern Trans-Urals and compare them with the materials of recent excavations in order to comprehend the issue of arranging living space in the Neolithic and Eneolithic period. The characteristic features of the sites in the region are noted – the presence of housing objects such as hearths, stone laying out, separate post-holes – without obvious traces of the dwellings themselves, as well as the active use of rocky outcrops and stone raw materials. An interpretation of the recorded remains as "sites" and "residential complexes" is proposed, ways of solving similar issues concerning to the Stone Age sites of other areas are given. It is assumed that it will help to solve certain methodological issues of the field and cameral stages of work and increase the source potential of the sites of the Southern Trans-Urals.

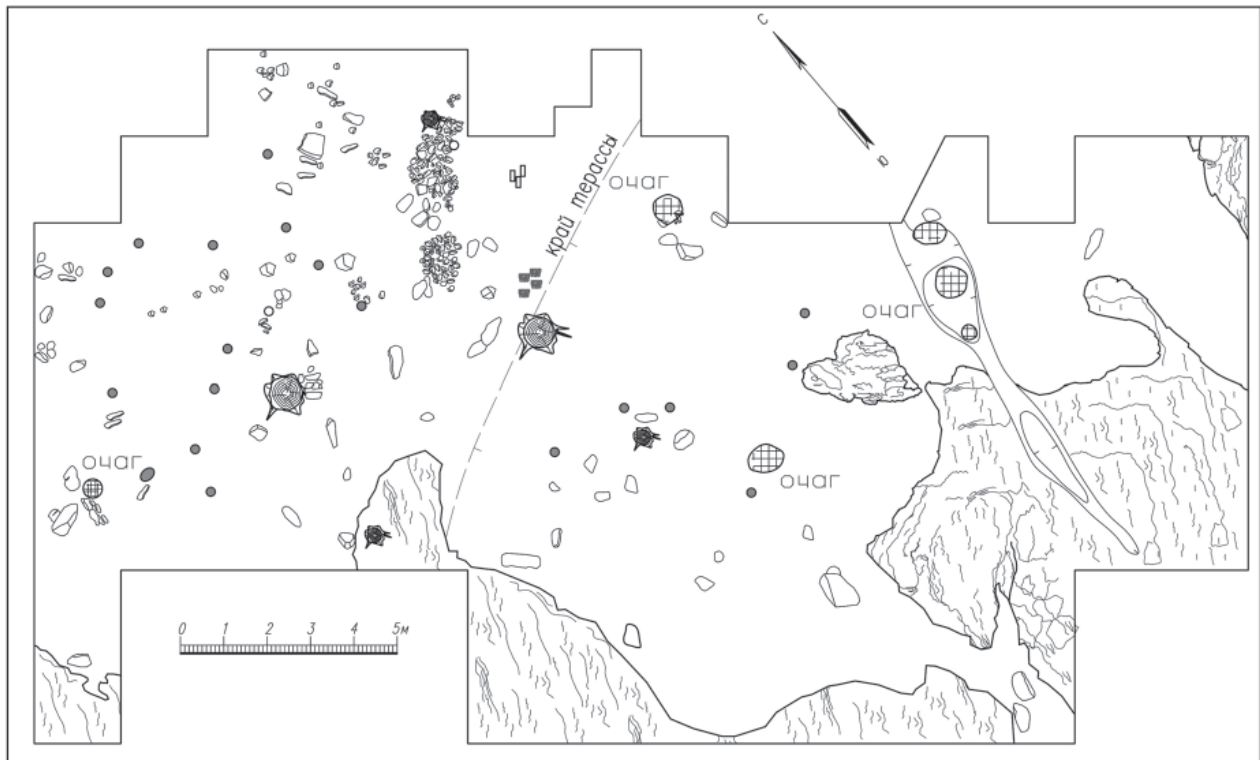
Keywords: archaeology, Neolithic, Eneolithic, South Trans-Urals, spatial structure, dwelling zone, dwelling complex, site.

Введение. Полевые исследования памятников позднего каменного века в Южном Зауралье имеют не самую долгую историю, порядка 70 лет, но довольно большую накопленную источниковую базу и историографию. Для территории, ограниченной в основном зоной восточных предгорий и пенеплена, известны сотни стоянок и местонахождений этого времени. Тем не менее, одна из базовых категорий источника чаще всего «выпадает» из исследовательского дискурса: характеристика жилищ и жилого пространства с хозяйственными объектами чаще остаётся без комментариев, чем включается в работу. Это связано с объективным, хорошо известным обстоятельством – маломощностью культурных слоёв при многослойности памятников ввиду очень медленных процессов почвообразования, и, соответственно, довольно сложными проце-

дурами понимания стратиграфии и планиграфии материала.

Южноуральские восточные предгорья отличаются специфическим ландшафтом: многочисленные озёра здесь имеют тектоническое происхождение с сильно изрезанной береговой линией, профиль горного рельефа довольно резкий. Расположение стоянок приурочено к компактным седловинам между возвышенностями, на мысовых участках, часто у проток при впадении в водоём. Малая площадь ровных участков, зажатых между скалами и береговой линией, а также близость скального материка, покрытого тонким почвенным чехлом, определяют характер бытообустройства древнего населения региона.

Источники. Первым памятником нео-энеолита, исследованным в регионе, была ст.

Рис. 1. Ст. Чебаркуль I, план раскопа.

Fig. 1. Chebarkul I site, excavation plan.

Чебаркуль I (рис. 1), исследованная под руководством Н.П. Кипарисовой разведками и раскопками в 1951–1952 и в 1953 г. Большая часть культурного слоя была разрушена ещё до начала работ, мощность слоя на неповреждённых участках составила 0,35–0,7 м (Кипарисова, 1954, с. 6). После снятия культурного слоя на дне раскопа были обнаружены многочисленные камни по отдельности и группами, четыре из которых образовывали выкладки диаметром 10–15 см, со следами копоти на поверхности, по мнению автора раскопок, предназначенные для установки сосудов (Кипарисова, 1954, с. 6). Расположение жилища автор привязала к северной части раскопа, выделив его предположительные границы по столбовым ямкам. Характерно, что, несмотря на многочисленные элементы обустройства жилой площадки – ямки и каменные выкладки под установку горшков (?), столбовые ямки и более крупные ямы (Кипарисова, 1954, с. 9), вероятно, имеют иное хозяйственное назначение, так как очертаний собственно жилища обнаружено не было. В то же время любопытно, что реконструируемые Н.П. Кипарисовой очертания постройки опираются не только на столбовые ямки, но и на естественный рельеф, а именно – глинистый выступ высотой 0,25 м, прилегающий к скальнику.

Памятник Чебаркуль 2 (рис. 2), расположенный на противоположном от ст. Чебаркуль I берегу, исследовался Л.Я. Крижевской в 1960–1962 гг. (Крижевская, 1968, с. 17). В описании памятника автор уделила большое внимание вмещающему ландшафту, и это понятно: расположенное между высоким береговым валом и гребнями скальных выходов поселение имеет вид почти архитектурной красоты. Скалистый рельеф, кроме топографической приуроченности, сказался и на бытовых практиках древнего населения, связанных с обустройством жилых площадок. Постройка, судя по распространению находок, была ограничена с южной стороны скальным выходом, ориентированным широтно, хотя непосредственных контуров жилища и столбовых ям зафиксировано не было. Собственно, скальник к моменту раскопок оказался разрушенным. К нему с северной стороны прилегали четыре хозяйственные ямы, две из которых имели незначительные размеры – диаметр около 35 см, глубина до 16 см, с развалами керамики на дне, а яма № 1 ещё и с двумя камнями (Крижевская, 1968, с. 20). Две другие ямы отличались значительно более крупными размерами – 3–3,5x0,7–1,5 м, глубиной до 0,25 м, с пологими с северной стороны краями и сосудами на дне. «Таким

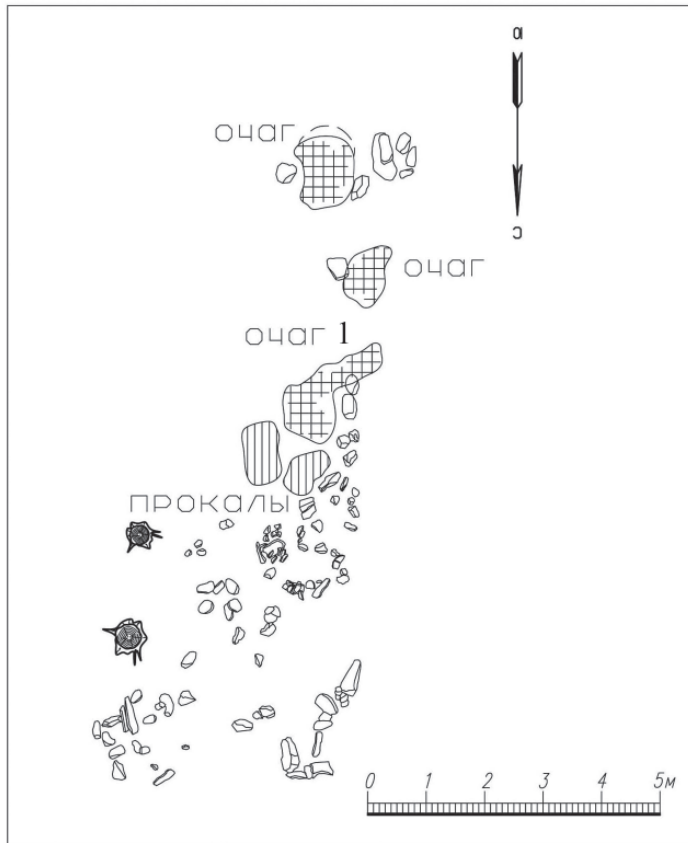

Рис. 2. Ст. Чебаркуль II, план раскопа.

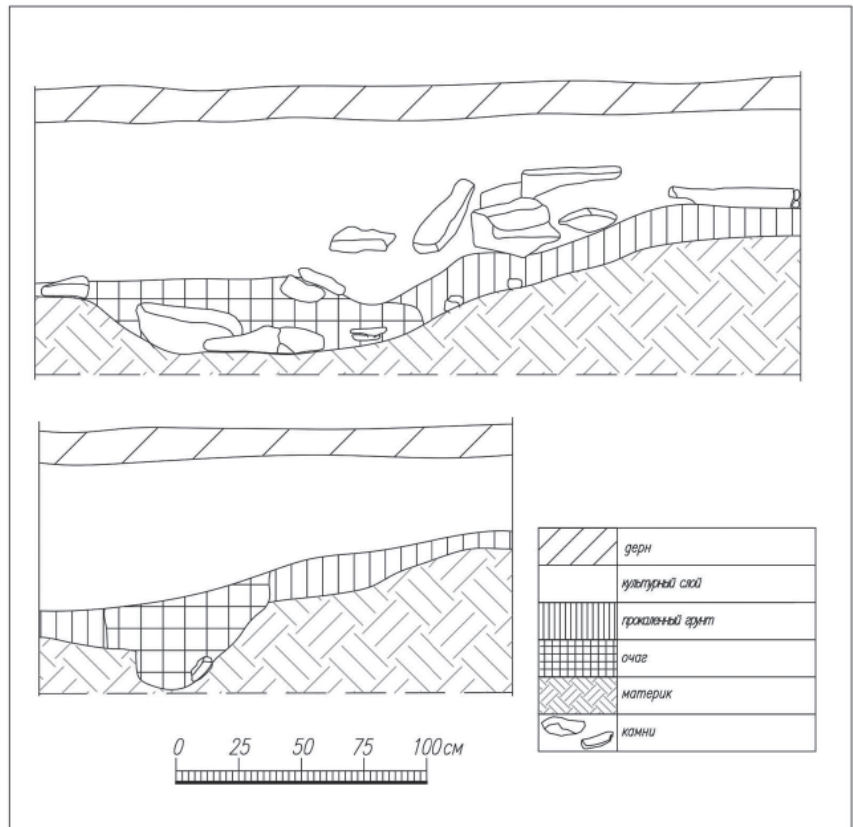
Fig. 2. Chebarkul II site, excavation plan.

образом, скала являлась своеобразным укрытием и использовалась человеком как часть жилого хозяйственного сооружения. К нему, очевидно, пристраивались перекрытие и другие участки стен, следов от которых не сохранилось» (Крижевская, 1968, с. 21). Кроме того, автор отмечает неоднократно зафиксированные при раскопках каменные кладки и, по-видимому, просто крупные камни, которым «сопутствовали» развалы сосудов и скопления керамики. Также в центральной части раскопа, к северу от скалы, располагалось очажное пятно вытянутой подовальной формы довольно крупных размеров – порядка 2×1 м, но, судя по всему, без выраженных конструктивных элементов.

В относительной территориальной близости с чебаркульскими стоянками расположен ряд других памятников, исследованных Л.Я. Крижевской на берегу оз. Большое Миассово, из которых наиболее примечателен Кораблик (рис. 3, 4). В 1967–1968 гг. был исследован участок данной стоянки площадью более 100 м² (Крижевская, 1977, с. 19). В пределы раскопа попали три очага (рис. 3), вытянувшиеся в линию, ориентированные по мысу в направлении север-юг (Крижевская, 1977, с. 23–25). Первый очаг был устроен у скальных выходов, имел неправильные очертания в виде подпрямоугольной впадины с углистым песком в заполнении, с обкладкой из камней и вытянутой канавкой с нечёткими контурами

Рис. 3. Ст. Кораблик, план раскопа.
Fig. 3. Korablic site, excavation plan.

Рис. 4. Ст. Кораблик, продольный и поперечный разрез очага 1.
Fig. 4. Korablic site, longitudinal and cross-section of the fireplace 1.

углистою грунта (рис. 4). Второй очаг представлял собой линзу прокала мощностью до 20 см и был счищен прежде, чем оконтурились два других. Наконец, третий очаг имел подквадратные очертания и ямку глубиной 25 см в юго-восточном углу; она была интер-

претирована автором как ветровой заслон. Остатки жилищ не фиксировались, однако Л.Я. Крижевская объединила данные объекты в «жилой комплекс» с последовательным использованием очагов (Крижевская, 1977, с. 25). Данный термин представляет для нас

значительный интерес в качестве адекватной альтернативы «жилищам», которые на горно-лесных стоянках Южного Зауралья, по сути, не встречаются.

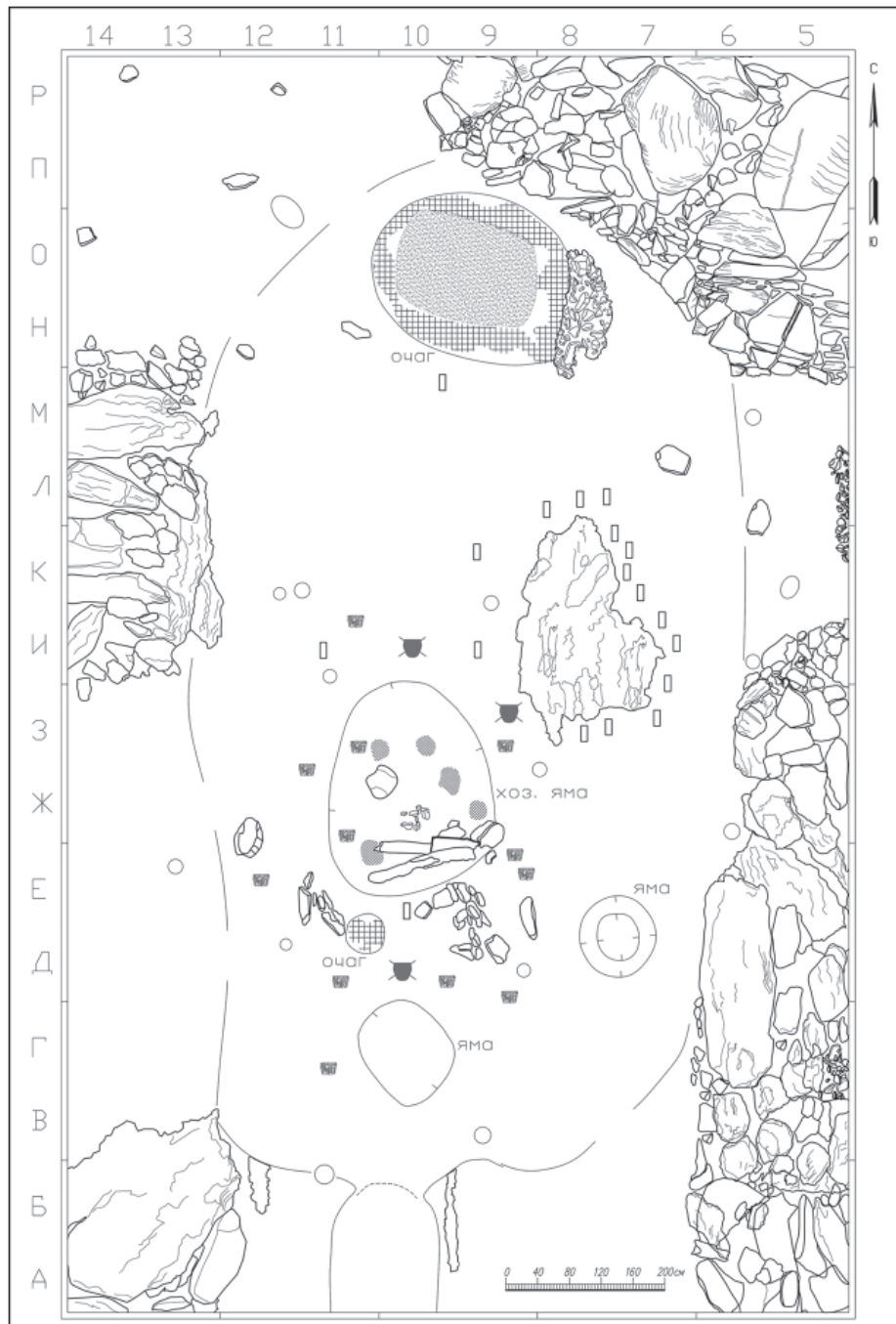
Исследовательские работы на берегах оз. Чебаркуль были продолжены Е.М. Беспрозванным и В.С. Мосиным в 1979–1981 гг. Среди изученных ими стоянок нужно отметить Чебаркуль Ха, XV, XVI (Мосин, 2011, с. 16–19). На стоянке Чебаркуль Ха в пределах площади 328 м² были зафиксированы 7 очагов, 13 ямок различного диаметра и глубины, а также кольцевые каменные выкладки и клад галек; скопления каменных изделий в плане тяготели к крупным камням и скальным выходам (Мосин, 2011, с. 16). В то же время, несмотря на столь очевидные следы длительного пребывания и хозяйственной деятельности, непосредственных следов построек и подобных сооружений зафиксировать не удалось. Аналогичная ситуация зафиксирована для стоянок Чебаркуль XV и XVI: в раскопах, исследованных площадью 184 и 226 м² соответственно, остатки жилищ и иных конструкций отсутствовали, однако были получены следы хозяйственных объектов – очагов (на Чебаркуль XV – 3, на Чебаркуль XVI – 2), каменных кольцевых выкладок и отдельных столбовых ямок, со скоплениями каменных изделий у скальника (Мосин, 2011, с. 17–18). В.С. Мосин, анализируя проблему выделения остатков жилищ и прочих построек стоянок Южноуральского Приозерья, предположил, что это связано с проведением раскопок малыми площадями, в связи с чем очертания данных объектов не фиксируются.

Современные раскопки южноуральских памятников дополнили картину предшествующих наблюдений. Стоянка Шатанов 3 (рис. 5) раскапывалась в 2006 г. под руководством В.С. Мосина (Мосин, 2011; Куприянов, 2006). Площадью 160 м² была исследована основная часть памятника, его наиболее ровная часть. В пределах раскопа было зафиксировано жилище с двумя очагами и тремя хозяйственными ямами. В контексте обсуждения важно отметить, что собственно контуры жилища очерчивались нечётко – по незначительной углублённости пола постройки в материк, в естественных границах скальника, а также по столбовым ямкам (Мосин, 2008, с. 9). Из хозяйственных ям интересна наиболее крупная, расположенная в центре постройки, – с камнями подпрямоугольной формы в своей конструкции, двумя каменными выкладками на дне. Примечателен и участок разбор-

ной скалы в непосредственной близости от ямы с выровненной площадкой и повышенной концентрацией каменных артефактов вокруг неё – вероятно, «рабочий столик». Ещё один объект – крупный очаг в северной части постройки – нуждается в комментарии: он имел подовальную форму, нестандартно крупные размеры (2,5×2 м), глубину 0,4–0,45 м. Кроме того, в его заполнении были обнаружены фрагменты иткульского сосуда. По-видимому, данный объект всё же не может быть надёжно связан с остальным контекстом эпохи камня – временем финального неолита-энеолита.

Стоянка Кедровый мыс-1 (рис. 6) исследовалась десять лет спустя раскопом площадью 294 м², охватив фактически всю зону памятника. Несмотря на малую мощность пачки напластований – 0,3–0,5 м, материалы коллекции включили в себя разновременные комплексы раннего и позднего неолита, энеолита, раннего железного века, а также единичные фрагменты эпох поздней бронзы и средневековья. Прочтение стратиграфии традиционно осложнено не только маломощностью и пониженной цветностью слоёв, но и плотной корневой системой лесной зоны. В связи с этим существенную помощь в понимании хроностратиграфии объектов оказали планиграфические наблюдения за распространением артефактов. На основании корреляции этих данных в пределах раскопа можно выделить четыре площадки, видимо, связанные с наземными постройками, чёткие следы которых не сохранились. Остатки предполагаемых сооружений фиксируются как незначительные – до 0,15–0,2 м, углубления в материк неправильной подовальной формы, вписанной в естественный рельеф между скальными выходами. Хотя фрагменты неолитической керамики залегают в пределах тех же площадок, что и энеолитические, большая часть ранних материалов была зафиксирована в смежном с этими площадками пространстве в переотложенном состоянии (тёмные значки на плане), очевидно, представляя собой выкиды, образовавшиеся при подчистке места. По этой причине предпочтительно относить данные постройки к энеолитическому времени, тем более что в одной из них (площадка 1) развал липчинского сосуда был зафиксирован *insitu* у очага. Все четыре объекта имеют остатки очагов; у площадки 1 очаг прижат к крупным валунам у южного края, у площадки 3 очаг расположен в её западной части, ближе к краю; ещё в двух случаях они находятся в

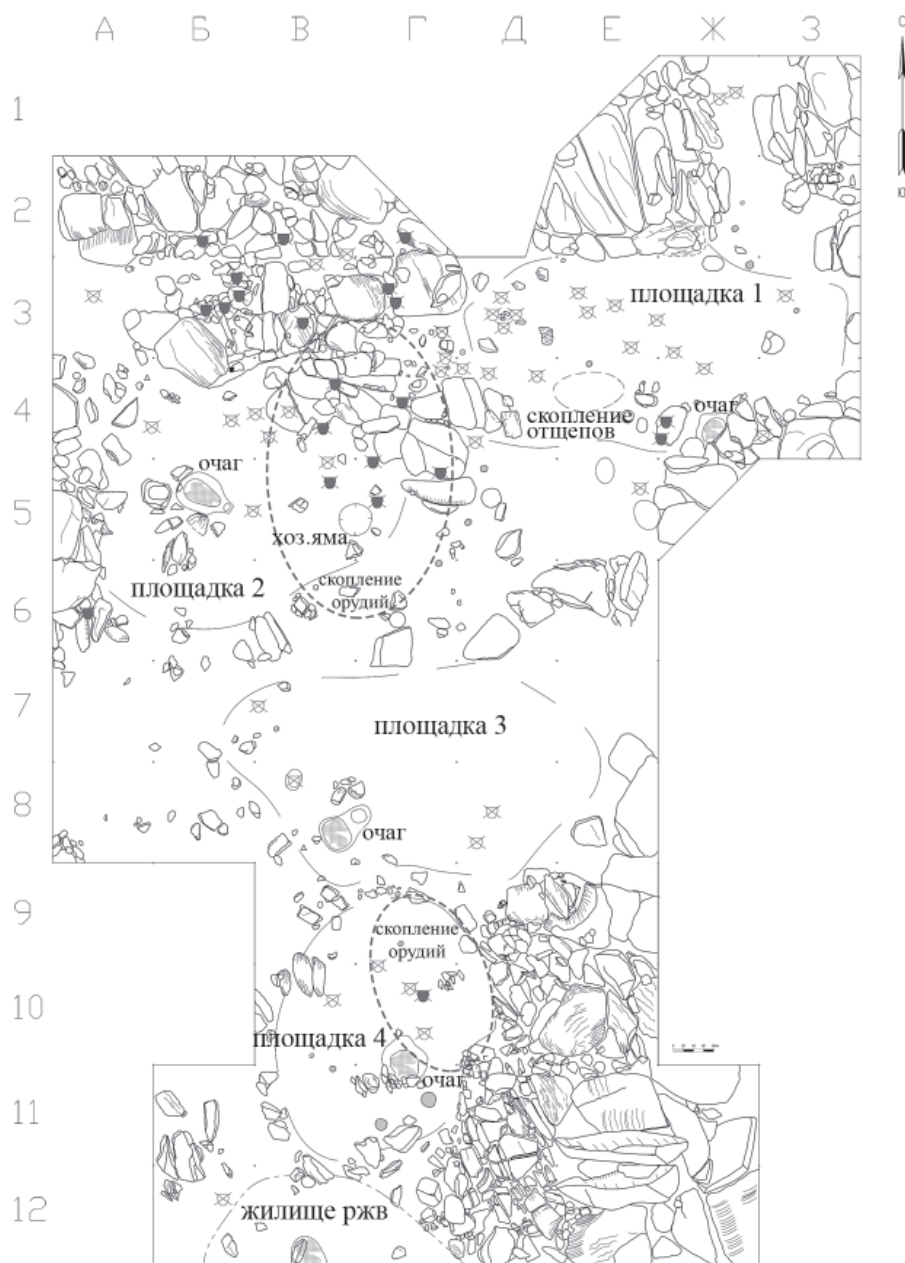

Рис. 5. Ст. Шатанов 3, план раскопа.
Fig. 5. Shatanov 3 site, excavation plan.

центральной части. Очаги имеют подовальные и округлые очертания, частичную или частично сохранившуюся каменную обкладку либо «привязку» к естественной скале, как в случае с постройкой 1; некоторым исключением среди них является очаг площадки 3, не имеющий явных следов конструктивных элементов из камня.

Также при планиграфировании фрагментов керамики с учётом их глубинного расположения и степени перемещённости можно отметить, как меняется площадь вовлечённого в активную жизнедеятельность пространства:

на первом этапе, в раннем неолите, преимущественно использовалась площадка 2; далее, в позднем неолите, площадь расширилась к востоку, включив площадку 1; некоторое скопление фрагментов в южной части раскопа, возможно, связано с перемещением слоев в последующее время, во всяком случае, не подлежит сколь-нибудь уверенной интерпретации. В энеолите уже всё пространство между скальными выходами было включено в зону активной жизнедеятельности, при этом материалы распадаются на две группы: северную и южную. Предположительно, площадки 1 и 2

Рис. 6. Ст. Кедровый мыс-1, план раскопа.
Fig. 6. Kedrovyy Mys-1 site, excavation plan.

составляли один жилой комплекс, а площадки 3 и 4 –второй. Кроме того, почти полное отсутствие находок в пределах площадки 3, тяготение малочисленной керамики только к её западной окраине – у очага, позволяет допустить интерпретацию постройки на этом участке как подсобного помещения. Также представляется любопытным и разрастание площади стоянки в энеолитическое время к югу. Так, южная часть памятника имеет существенное понижение к береговой линии, в настоящий момент заболочена, в то время как северный край представляет собой высокий скалистый берег, довольно резко обрывающийся к воде. Опираясь на известный для

смежных пространств климатологический факт о наибольшей увлажнённости в раннем неолите и начале аридизации в конце каменного века (Бикмулина и др., 2017), можно объяснить характер распространения артефактов на территории стоянки с постепенным общим понижением уровня воды в озере и осушением части береговой линии.

Стоянка Инышко 5 (рис. 7) находится в непосредственной близости от ст. Кедровый мыс-1; исследовалась в 2020–2021 гг. автором, двумя малыми участками общей площадью 72 м² (публикационные материалы раскопок приняты в печать в «Уфимский археологический вестник»). Стоянка имела

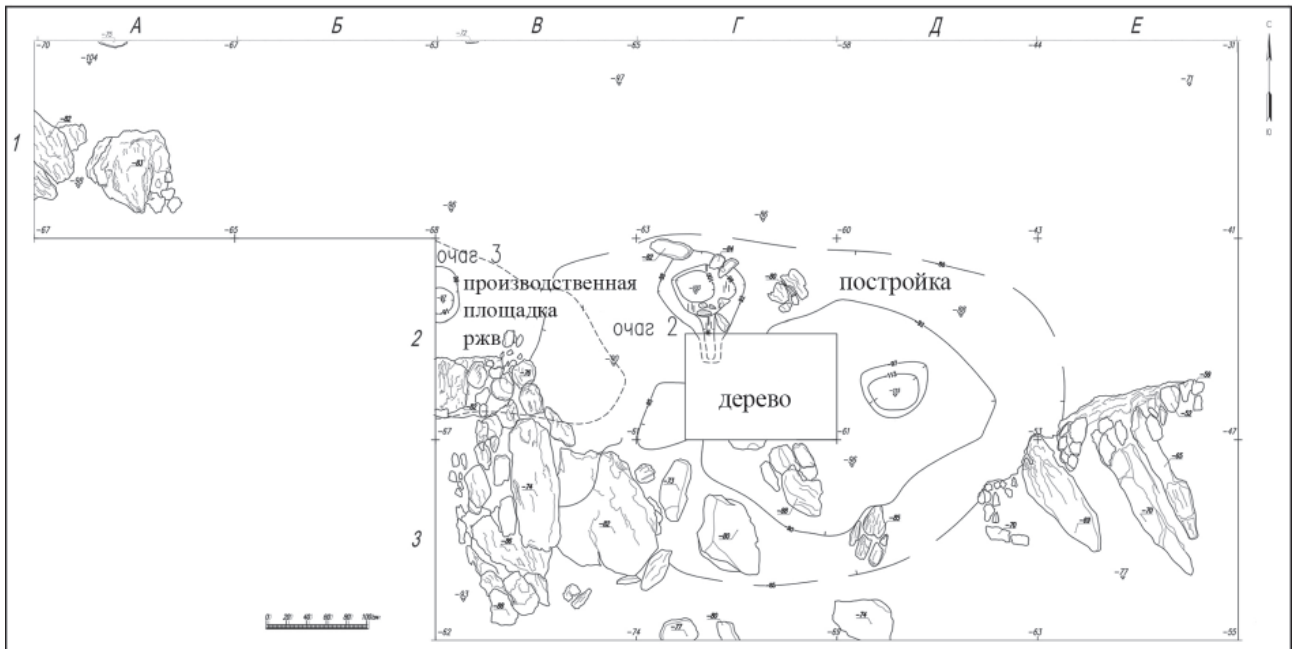

Рис. 7. Ст. Инышко 5, план раскопа.

Fig. 7. Inyshko 5 site, excavation plan.

ступенчатый рельеф разной высоты с примечательной хронопланиграфией материала: неолитические материалы зафиксированы только в восточной её части, в то время как энеолитические – по всей площади. В пределы исследованной площади попали два очага каменного века. Первый, неолитический, представлял собой простое кострище, и что важно, прижатое к скальнику у северного края площадки. Второй, энеолитический, зафиксирован в западной части стоянки, имел сложную конструкцию с поддувалом и глиняным куполом, в основании свода которого были уложены камни. Кроме того, здесь же удалось очертить приблизительные контуры предполагаемой наземной постройки, для оформления которой был частично подработан скальник. Котлован не выражен, столбовые ямки не зафиксированы; таким образом, речь идёт скорее о площадке, возможно, с производственной функцией, нежели о привычном жилище.

Результаты и обсуждение. Таким образом, характеризуя источниковый потенциал озёрных стоянок горно-лесной зоны в контексте изучения древнего домостроительства и планировки жилого пространства, стоит сместить акцент с их объективных недостатков в виде маломощных и смешанных культурных слоёв на твёрдо зафиксированные факты. Так, на наиболее хорошо изученных стоянках чётко фиксируются объекты, тради-

ционно сопровождающие жилища: очаги, хозяйственные ямы и отдельные столбовые ямки, а также кольцевые каменные выкладки и скопления орудий и отходов производства, маркирующие рабочее место мастера. В некотором роде, благодаря своей малой площади, планиграфически стоянки дают более насыщенную картину хозяйственной деятельности и функционального использования жилого пространства в сравнении с результатами раскопок поселений, где работы чаще проводятся путем исследования жилищных впадин без межжилищного пространства. В этой связи представляется, что фактическое отсутствие на горно-лесных стоянках «жилищ» с чётким котлованом, ясной системой каркаса постройки, выраженным заполнением объекта, требует осмысления как некий самостоятельный факт. По-видимому, поиск решения проблемы лежит не через смену методики раскопок – большими ли площадями, тонкостью зачисток слоёв (Мосин, 2011, с. 30), а путём введения другого интерпретационного поля.

Так, выше было обращено внимание на понятие «жилой комплекс», использованное Л.Я. Крижевской при описании ст. Кораблик (Крижевская, 1977, с. 25), а в настоящем тексте – при анализе материалов ст. Кедровый мыс-1 и ст. Инышко 5, кроме того, традиционное понятие «жилище» было заменено на операциональный термин «площадка» по

причине большего соответствия наблюдаемой по результатам раскопок картине. Предполагается, что осмысление «площадок» и связанных с ними объектов, и распределённого в пространстве массового материала как «комплексов» – жилых, а, возможно, и обособленных производственных, – позволит более полно раскрыть источник. В числе важных характеристик нео-энеолитических горно-лесных стоянок нужно перечислить: следы сооружения лёгких наземных конструкций предположительной площадью около 25–35 м², вписанных в естественный рельеф; незначительную подработку скальных пород в случае их достаточной рыхлой структуры; активное использование необработанного камня при организации жилого пространства в качестве обкладки очагов и кольцевых выкладок (подставок под сосуды?). Также скальный рельеф – обнажение пород или отдельные крупные валуны – имел явно большое значение для бытового обустройства – выбора рабочего места, очажной площадки. Таким образом, на первый план выходят не столько формальные характеристики объектов, а традиция адаптивного, максимально вписанного в рельеф и ландшафт обустройства пространства с использованием готовых «подручных материалов» и элементов внутреннего интерьера.

Несмотря на специфику ландшафта и природно-географических условий, отмеченная стратегия обустройства жизненного пространства стоянок Южного Зауралья имеет ряд общих черт со смежной территорией лесостепного Притоболья. Так, сходная картина переиспользования одних и тех же жилищных участков в нео-энеолите с тенденцией к разрастанию площади памятника в сторону воды ранее была прослежена на материалах лесостепного Притоболья (Мосин, Яковлева, 2018; Яковлева, 2020). Второй момент, который обращает на себя внимание, – это вписывание построек в естественный рельеф. Так, несмотря на различный характер фиксируемых очертаний объектов и степень их «читаемости», для памятников обеих ландшафтных зон фиксируется идентичная стратегия домостроительства. В лесостепной зоне для жилищных котлованов активно использовались естественные суффозионные впадины (Мосин, Яковлева, 2018, с. 101), в горно-лесной – ровные площадки в «седловине» между скальными выходами. В большинстве случаев столбовые ямы не фиксируются либо не составляют ясной картины взаимос-

вязи. Объекты характеризуются небольшими размерами – площадью 20–45 м², и небольшой глубиной 10–30 см, реже до 60 см.

Характерно, что на пос. Кочегарово 1, изученном практически полной площадью порядка 2 тыс. м², при корреляции сооружений и распространения материала также прослеживается логика функционального деления пространства. Так, в пределах раскопа изучены два объекта, которые по скоплению каменных артефактов – от пробных сколов до готовых изделий – могут быть интерпретированы как производственные площадки; в то же время керамика, несмотря на дисперсию материала в культурных слоях памятника, на протяжении всех периодов тяготеет к сооружениям скорее жилого назначения – с очагами нео-энеолитического времени, малочисленным или отсутствующим каменным инвентарём, а также к крупной хозяйственной яме.

К числу явных различий относится, как самое очевидное, использование камня в домостроительстве и ином обустройстве пространства. Для горно-лесной зоны нередко встречаются следы частичного обрушения скальника, а также сооружение из камня конструкций в виде стен очага и/или подставок под сосуды. Отсутствие подобных практик бытообустройства в лесостепи Притоболья не требует специальных комментариев.

Аналогии проблемы и пути решения. Обращаясь к описанным методическим сложностям и опыту коллег, можно проследить некоторые параллели этой стратегии в археолого-этнографических материалах Чукотки (Данилов, 2021), где высокая мобильность населения с древнейших времен сформировала традицию сооружения лёгких каркасных построек. Разумеется, подобные конструкции не оставляют после себя существенных следов на поверхности и в материке, однако, в условиях проживания в Арктике с глубокой древности и до настоящего момента широко распространены каменные обкладки по периметру чума, и именно по ним фиксируются контуры археологических объектов, «которые можно охарактеризовать как места установки легко разборных мобильных жилищ со следами проживания» (Данилов, 2021, с. 134). При описании своеобразного материала, представленного выкладками, интерпретируемыми как периметры жилищ и контуры очагов, автор пользуется термином «структуры» (Данилов, 2021, с. 134, 137), что выглядит как корректное обозначение археологических фактов,

предваряющих этап реконструкции и интерпретации.

Н.А. Хайкунова, анализируя материалы верхнепалеолитической стоянки Третий мыс (Ростовская область), подчёркивает отсутствие «явных следов конструкций, которые можно ассоциировать с жилыми постройками» (Хайкунова, 2011, с. 383), а на основании отдельно зафиксированных столбовых ямок предполагает ветровые заслоны. Тем не менее, пользуясь методами планиграфического анализа – функционального распределения и ремонта каменного инвентаря, автор убедительно выделяет не только комплексы связанных объектов и скоплений артефактов, но и основную композицию жилого пространства стоянки (Хайкунова, 2011 с. 385–390). Не менее интересные наблюдения для двух каменнобалковских памятников сделаны группой исследователей о взаимосвязи палеорельефстоянок и хозяйственно-бытовой

планировки: на дне древних ложбин располагались комплексы различной производственной специализации (Леонова и др., 2014, с.86, 87).

Заключение. Для работ по каменному веку Зауралья, выполненных с помощью метода «связей», подобная детализация анализа и глубина реконструкции пока остаётся горизонтом стремлений, и не в последнюю очередь из-за вышеперечисленных характеристик культурных слоёв (маломощность, многослойность, перемешанность) стоянок и поселений каменного века Зауралья и Западной Сибири, что заставляет с большой осторожностью относиться к контексту обнаружения артефактов. Тем не менее, успешный опыт коллег в работе с памятниками без очевидных следов жилищ и полноценных поселенческих структур позволяет наметить пути решения подобных проблем и для стоянок Южного Зауралья.

ЛИТЕРАТУРА

- Бикмулина Л.Р., Якимов А.С., Мосин В.С., Баженов А.И. Геохимические особенности почв и культурных слоев поселения неолита-энеолита Кочегарово-1 в лесостепной зоне Западной Сибири и их палеоэкологическая интерпретация // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 2. С. 31–40.
- Данилов Г.К. Морфология наземных жилищ Западной Чукотки: от мезолита к современности // Известия Сибирского отделения РАН. 2021. Т. 3. № 4. С. 132–141.
- Кипарисова Н.П. Отчет о раскопках Чебаркульской неолитической стоянки в 1953 г. 1954 г. // Архив ГИМ Южного Урала.
- Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 129 с.
- Куприянов В.А. Неолитические жилища Южного Урала // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2006. № 17 (72). С. 66–71.
- Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Хайкунова Н.А. Проблема использования локальных элементов рельефа на стоянках открытого типа (микрофациальный уровень исследования) // Вісник Одеського національного університету. Серія: «Географічні та геологічні науки» (Вестник ОНУ имени И.И. Мечникова). 2014. Т.19, вип. 1. С. 79–91.
- Мосин В.С. Отчет. Раскопки стоянки Шатанов 3 в 2007 г. Челябинск, 2008 // Архив Музея народов Южного Урала ЮУрГУ.
- Мосин В.С. Стоянка Шатанов 3 (классификационный и археолого-исторический подходы). Челябинск: Рифей, 2011. 108 с.
- Мосин В.С., Страхов А.Н., Яковлева Е.С., Никитин А.Ю. Неолитический и энеолитический комплексы стоянки Кедровый мыс-1 в Южном Зауралье // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2017. Т. 17. № 4. С. 46–56.
- Мосин В.С., Яковлева Е.С. Динамика развития поселений неолита-энеолита в лесостепном Зауралье // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию В.М. Лозовского / Под ред. О.В. Лозовской, А.А. Выборнова и Е.В. Долбуновой. СПб.: ИИМК РАН, 2018. 266 с.
- Хайкунова Н.А. Комплексы стоянки Третий мыс: проблема объединения // Палеолит и мезолит Восточной Европы. Сборник статей в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирханова / Отв. ред. К.Н. Гаврилов. М.: ИА РАН, 2011. С. 383–396.
- Яковлева Е.С. Планиграфия и стратиграфия неолитических поселений лесостепного Притоболья: возможности метода «связей» // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2020. № 2. С. 53–68.

Информация об авторе:

Яковлева Екатерина Сергеевна, научный сотрудник ООО «ЦИКИ «Астра» (г. Челябинск, Россия); младший научный сотрудник, Курганский государственный университет (г. Курган, Россия); lugsamildanah@yandex.ru

REFERENCES

- Bikmulina, L. R., Yakimov, A. S., Mosin, V. S., Bazhenov, A. I. 2017. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 45 (2), 31–40 (in Russian).
- Danilov, G. K. 2021. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 3, no. 4, 132–141 (in Russian).
- Kiparisova, N. P. 1954. *Otchet o raskopkakh Chebarkul'skoy neoliticheskoy stoyanki v 1953 g. (Report on the excavations of the Chebarkul Neolithic site in 1953)*. Archive of the State Historical Museum of the Southern Urals (in Russian).
- Krizhevskaya, L. Ya. 1977. *Rannebronzovoe vremya v Yuzhnom Zaural'e (Early Bronze Age in the Southern Trans-Urals)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
- Kupriyanov, V. A. 2006. In *Vestnik IuUrGU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki» (Bulletin of South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences)* 72 (17), 66–71 (in Russian).
- Leonova, N. B., Nesmeyanov, S. A., Vinogradova, E. A., Voejekova, O. A., Khaikunova, N. A. 2014. In *Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Seriya: «Geografichni ta geologichni nauki» (Vestnik ONU imeni I.I. Mechnikova) (Bulletin of the Odessa National University. Series: "geographical and geological sciences" (Bulletin of OTT named after I. I. Mechnikov))* 19 (1), 79–91 (in Russian).
- Mosin, V. S. 2008. *Otchet. Raskopki stoyanki Shatanov 3 v 2007g. (Report. Excavations on the Shatanov 3 site in 2007)*. Chelyabinsk. Archive of the of the Museum of the Peoples of the Southern Urals State University (in Russian).
- Mosin, V. S. 2011. *Stoyanka Shatanov 3 (klassifikatsionnyy i arkhologo-istoricheskiy podkhody). (Shatanov 3 site (classification and archaeological-historical approaches)*. Chelyabinsk: “Rifey” Publ. (in Russian).
- Mosin, V. S., Strakhov, A. N., Yakovleva, E. S., Nikitin, A. Yu. 2017. In *Vestnik IuUrGU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki» (Bulletin of South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences)*. 17 (4), 46–56 (in Russian).
- Mosin, V. S., Yakovleva, E. S. 2018. 2018. In Lozovsky, O. V., Vybornov, A. A., Dolbunova, E. V. (eds.). *Strategii zhizneobespecheniya v kamennom veke, prjamyje i kosvennyje svidetel'stva rybolovstva i sobiratel'stva. (Subsistence Strategies In The Stone Age, Direct And Indirect Evidence Of Fishing And Gathering)*. Saint Petersburg: Institute of History of Material Culture, 101–103 (in Russian).
- Khaikunova, N. A. 2011. In Gavrilov, K. N. (ed.). *Paleolit i mezolit Vostochnoy Evropy. Sbornik statey v chest' 60-letiya Khizri Amirkhanovicha Amirkhanova (Palaeolithic and Mesolithic of Eastern Europe. Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of Khizri Amirkhanovich Amirkhanov)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 383–396 (in Russian).
- Yakovleva, E. S. 2020. In *Magistra Vitae*. (2), 53–68 (in Russian).

About the Author:

Yakovleva Ekaterina S. “ЦИКИ “Астра” LLC. Krasnoarmeiskaia, Str. 106, Chelyabinsk, 454090, Russian Federation; Kurgan State University. Sovetskaya, str., 63, build. 4, Kurgan, 640020, Russian Federation; lugsamildanah@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.